

ИЕГУДА АМИХАЙ

перевод с иврита Виты Штивельман

Из трёх или четырёх в комнате
один всегда стоит у окна.
Вглядывается в колючие кусты,
в языки пламени на холмах.
Видит как уцелевшие люди
монетками сдачи
возвращаются вечером домой.

Из трёх или четырёх в комнате
один всегда стоит у окна.
Мысли и волосы его темны.
Позади него слова.
А перед ним -
голоса блуждающие без багажа,
сердца без провианта,
пророчества без воды,
и большие камни -
поставлены и стоят закрытые,
как письма без адреса и адресата.

Пока

пока ещё не закрыта дверь
пока слова не попали в цель
пока я не стал одной из химер
пока не застыла в крови душа
пока не упрятаны вещи в шкаф
пока не весь затвердел шлак
пока мелодии льются из флейт
пока не указано, кто главней
пока есть посуда, и хочешь - бей
пока в беззаконье закон не исчез
пока глядит на нас кто-то с небес
пока мы всё ещё здесь.

Туристы

Они едут к нам в гости соболезновать:
идут в Яд ва-Шем, вздыхают у Стены Плача.
Потом в гостиницу - расслабляются, шутят.

Фотографируются с именитыми покойниками:
на могиле Рахели, на могиле Герцля,
на холме павших солдат.
Всхлипнут о наших героях-парнях,
алчно посмотрят вслед гордым девушкам.
Потом возвращаются
в синеватую прохладу отеля,
развешивают бельё над ванной.

Бог жалеет детей

Бог жалеет малышей в детском саду.
Жалеет и школьников, но меньше.
А взрослых не жалеет совсем.
Покинутые и одинокие,
ползут они иногда на всех четырёх
по раскалённому песку
к пункту первой помощи,
истекая кровью.

Но он может пожалеть
тех, кто действительно любит.
Может укрыть их тенью,
как дерево укрывает
спящего на скамейке
посреди бульвара.

А может, и мы отдадим им
последние монетки милости,
доставшиеся от матери.
Чтобы их благодать
защищала нас
сегодня и всегда.

Я не знаю, повторяется ли история,
но я знаю, что не повторяешься ты.
Я помню, как город был разделён
не только между евреями и арабами,
но также между мной и тобой,
когда мы были вместе.

Мы хотели укрыться от опасности
и сделали себе дом из страшной войны.
Так люди Крайнего Севера
строят себе жилища

из гибельного льда.

Город в конце концов воссоединился,
но мы с тобой уже нет.
И теперь я точно знаю, что история не повторяется,
как не повторяешься ты.

Около стены дома,
у стены облицованной камнем,
я видел контуры Бога.

Бессонная ночь, от которой обычно болит голова,
принесла мне цветы, и они распустились виденьями.

Тот, кто потерян как щенок,
будет найден как человек, найден и возвращён домой.

Любовь - это не последняя комната в коридоре,
есть за ней и другие комнаты.
А коридор бесконечен.

Собака после любви

Когда ты бросила меня
я позвал собаку-ищейку,
дал ей понюхать мою грудь, мой живот.
Пусть собака ищет.
Пусть найдёт тебя по запаху.
Пусть отгрызёт у твоего любовника
всё его любовное хозяйство,
или хоть принесёт мне
твой чулок в зубах.

Эйн-Яхав

я ехал в сумерках по пустыне Арава
ехал в Эйн-Яхав под дождём
да, лил дождь
я видел людей выращивающих финики
видел тамарисковые рощи и рощи теней
видел надежду колючую как колючая проволока
и я сказал себе: да, надежда и должна быть такой
колючей как проволока
чтобы защитить нас от отчаяния

надежда должна быть как минное поле

Я хочу мира сейчас

Пусть будет мир и покой, говорю я, живущий.

Я хочу мира сейчас, пока я жив.

Был один святой – он хотел ножку золотого стула в раю.

Я не хочу так. Мне нужен простой деревянный стул здесь.

Обычный четырёхногий стул. Хочу мира прямо сейчас.

Вся моя жизнь прошла в войнах, внешних и внутренних:

были войны лицом к лицу, и всегда это было моё лицо,

лицо возлюбленного и лицо врага.

Древние орудия войны: палка, камень, сломанный топор,

слова, сточенный нож, любовь и ненависть.

Новые орудия войны: пулемёт, ракета, слова,

разрывная бомба, любовь и ненависть.

Я не хочу, чтобы сбылось пророчество моих родителей,

они говорили, что жизнь это война.

Я хочу мира душой и телом. Мира – сейчас.